УДК 322
DOI: 10.30792/2949-5768-2024-8-107-114

У. Б. Жамбаева

БУДДИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ИСТОРИИ БУРЯТ

В статье рассматривается авторское видение становления национального государства монголов (бурят) на руинах монгольской империи, сопряженного с необходимостью выработки государственной идеологии как фундирующего фактора в формировании централизованного общества. Однако традиционная схема консолидации близкородственных этносов на основе признания именно буддизма как государственной идеологии сыграла негативную роль в истории пост-монгольской империи. Более того, буддизм был использован внешними силами как инструмент нивелирования воинского духа прежде могущественных монголов (бурят) с целью ликвидации постоянного источника нестабильности в регионе – «Внутренней Азии». Дело в том, что буддизм значительно отличается от других конфессий своей устремленностью за грань существующего мироздания. Отсюда, на наш взгляд, монгольские этносы стали жертвой враждебно настроенного окружения на долгие столетия, вплоть до революционных преобразований начала XX века.

Ключевые слова: вера, буддизм, ламаизм, шаманизм, национальный вопрос, национальное государство, яса, государственная идеология, идеологический инструментарий, этнос.

U. B. Zhambaeva

BUDDHISM AND THE NATIONAL QUESTION IN THE HISTORY OF THE BURYATS

The article examines the author's vision of the formation of the national state of the Mongols (Buryats) on the ruins of the Mongol Empire, associated with the need to develop a state ideology as a founding factor in the formation of a centralized society. However, the traditional scheme of consolidation of closely related ethnic groups based on the recognition of Buddhism as a state ideology played a negative role in the history of the post-Mongol Empire. Moreover, Buddhism was used by external forces as a tool for leveling the

Жамбаева Ульяна Баировна – кандидат философских наук, доцент Управления высшего образования «РЭУ им. Г.В. Плеханова», Улан-Баторский филиал, профессор научно-исследовательского института геополитики и стратегии, Советник Президента монгольской дипломатической организации мира и дружбы. E-mail: uliya100186@yandex.ru.

military spirit of the formerly powerful Mongols (Buryats) in order to eliminate a constant source of instability in the region – «Inner Asia». The fact is that Buddhism differs significantly from other faiths in its aspiration for the edge of the existing universe. Hence, in our opinion, the Mongolian ethnic groups became victims of a hostile environment for many centuries, up to the revolutionary transformations of the early twentieth century.

Keywords: faith, Buddhism, Lamaism, shamanism, national question, national state, yasa, state ideology, ideological instruments, ethnic group.

По мнению некоторых мыслителей, цивилизационный этап в развитии человечества можно свести к истории становления и развития национальных государств. Это объясняется тем, что из всех возможных форм самоорганизации общества лишь политическая организация, т. е. государство получило всеобщее признание в силу присущих ему многочисленных и очень полезных функций для развития самого этноса.

Общеизвестно, что для обретения народом своего национального государства необходимы наличие ряда условий: во-первых, этнической территории; во-вторых, письменности; в-третьих, учитывается численность этноса. И в этом контексте особое место занимает наличие государственной идеологии как консолидирующего фактора изначально разных родоплеменных образований. При этом выработка государственной идеологии, отвечающей духовным запросам каждого члена определенного сообщества – весьма не простое дело. Именно по этой причине в процессе строительства национального государства властители дум человеческих вынужденно обращались к исторически выработанной идеологии, т. е., к определенной вере. Так, например, в условиях утраты устойчивости Римской империи, в 313 г. христианство было признано в Миланском эдикте о религиозной терпимости равноправным в среде иных религий, а вскоре стало государственной и господствующей идеологией в пределах всей империи. А святые отцы церкви, в благодарность власти, стали призывать верующих к смирению, покорности по отношению к самой власти, т. е., состоялся полноценный сговор. Таким образом, сложилась классическая схема распространения религий, в пору становления и развития национальных государств, в качестве государственной идеологии.

Симптоматично, что распространение буддизма во «Внутренней Азии» не выпадает из сложившейся исторической канвы. Данное явление было сопряжено с процессом становления Маньчжурского государства под предводительством хана Нурхаци. Сложность процесса объясняется, с

одной стороны, необходимостью покорения Китая, который, конечно, не желал иметь у себя под боком сильное, противоборствующее им государство, а с другой стороны, маньчжурам прежде всего следовало покорить многочисленные разрозненные монгольские племена – осколки некогда могущественной Монгольской империи в качестве многоопытной ударной силы. Без концентрации людской массы в одних руках завоевание Китая просто было немыслимо. Нурхаци вполне себе отдавал отчет в том, что для подчинения Китая лишь насильственного подчинения мобильных монголов было недостаточно.

Обращение к буддизму в качестве идеологического инструментария обеспечения единства (в этническом отношении мозаичного) политического образования носит не случайный характер. Вместе с тем, за величием личности Нурхаци присутствует незримая тень искушенных в бесконечных дворцовых интригах китайских мандаринов, которые, рассматривая буддизм «… как прекрасное средство ослабить беспримерную храбрость и героическую натуру монголов, обратили монголов к пустым делам, таким, как сострадание и добродетель, грехи и будущие перерождения, и сделали их абсолютно несведущими в политических знаниях и экономическом развитии» [Буддизм и национализм во Внутренней Азии 2021: 120]. Именно в связи с этой проблемой часть монголов, в частности хори-монголы, буддизм рассматривали как нечто чужеродное, нарушающее многовековой уклад жизни. Р. Сабиров утверждал: «Исконный шаманизм и поклонение Небу Чингисхана они противопоставляют буддизму, который трактуют как иноземную религию, привнесенную захватчиками-маньчжурами» [Там же: 166].

Однако, в условиях бесконечных войн хори-монголы были озабочены проблемой воспроизводства численности армии как предопределяющего признака государства для самосохранения во враждебном окружении. Следует выделить момент того, что именно по своей численности хори не были способны претендовать на национальное государство. Единственным выходом в этой ситуации становится необходимость обращения к буддизму как средству объединения разных этносов для решения национального вопроса, а точнее, для строительства основ национального государства. И.Р. Сабиров далее утверждал: «Тут возникает своего рода специализация – например, у бурят Монголии шаманизм является элементом этнической идентичности, а буддизм – национальной, общемонгольской.

В этом случае шаманизм и буддизм дополняют друг друга» [Буддизм и национализм во Внутренней Азии 2021: 166]. Только таким образом можно было решать проблему воспроизводства численности армии, т. е., посредством интеграции близкородственных этносов, и тем самым приступить к строительству основ национального государства.

Но, как это часто бывает, в процессе приобщения к религии обнаруживаются подводные камни. Речь идет об утрате бурятами воинского духа. Так, Т. Дугаржапов писал: «Еще одной причиной упадка военной доблести монголов можно назвать обращение в буддизм ламаистского толка» [Дугаржапов 2014: 140]. Следует напомнить, в условиях распада Монгольской империи монголы поспешили забыть основной завет Чингисхана – следовать законам «Ясы», как необходимого фундирующего фактора в укреплении основ государства. Т. Дугаржапов писал: «А его сборник законов «Ясы» долгое время оставался правовой основой кочевых народов Азии, конкурируя с нормами буддизма и Корана» [Там же: 80].

Именно обращение к буддизму радикальным образом трансформирует общественное сознание монгольских этносов. В этом смысле уместно процитировать отрывок из исторического романа-трилогии В. Гармаева «Десятый рабджун». Здесь примечательно то, что диалог идет между шаманом и ламой. Последний излагает философскую концепцию мироздания: «Тут, дурисха, я должен сказать, что не всякая правда является истиной. Не всякий мир, созданный верой, является истинным миром. Поэтому на земле и существуют одновременно, и не в согласии между собой, созданные разной верой разные миры и каждый со своим учением. Для тех, кто создал их своей верой, для тех, кто поверил в его правдивость, они все существуют; открытость этих миров для верующих в их истинности разная – избранные и посвященные знают о нем на своем уровне, а все остальные – на своем, и у каждого этот уровень разный, поэтому и мир у каждого свой» [Гармаев 2012: 570]. И, что касается жизни мирян, лама рассуждает: «Если любой человек будет искренне верить в истинный путь спасения и пойдет по нему, он освободится от бремени *сансары*. Надо только верить…

– А чем ханов не устраивает наша древняя вера?

– Тем, что образовался огромный буддистский мир из множества стран и народов, а те государства, которые не приняли эту веру, являются

дикими, невежественными, а народ их гибнет в пучине греха, омрачённости» [Гармаев 2012: 571].

Имеет место попытка увода людей от каждодневных, суетных дел в мир вечного покоя, где нет той кровавой борьбы за жизненное пространство. В буддизме утверждается: «Вся наша жизнь, все вещи подобны сновидению, иллюзии, что равносильно пустоте, но представляет срединность бытия и небытия, так как сновидение и т. п. иллюзии все же нельзя назвать бытием или небытием. Человек, познавший истинную сущность или относительность, иллюзорность бытия, чувствует такую же свободу и облегчение духа, как человек, только что проснувшийся от тяжелого кошмарного сновидения. Все зло, все страдание жизни заключается в наивном реализме, безотчетно принимающем явления жизни как действительность. Но стоит только человеку познать пустоту, срединность вещей, так он окончательно освобождается от наивного реализма, от сансары заколдованного круга жизни, являющейся сплошным кошмаром страданий» [Богданов 2014: 196].

Примечательно то, что истинный путь спасения для индивида лежит не просто в знании известного архатского учения о четырех истинах: истине страдания, истине происхождения страдания, истине пути и истине уничтожения страдания, а главным образом в понимании того, что «первые две истины составляют учение о Сансаре, а последние две истины – учение о Нирване» [Там же: 197]. Причем в учении отмечается идея смертности Сансары и бессмертности Нирваны. Отсюда для постижения Нирваны верующему следует придерживаться нравственных воздержаний: «нравственные воздержания от любодеяния, воровства, убийства, лжи, пьянства и т. д. имеют в виду уничтожение дурных влечений, инстинктов, с коими человек может идти по пути праведности. Эти нравственные воздержания могут быть с успехом исполнены только в условии общинной монастырской жизни монахов» [Там же: 197].

И, таким образом, для достижения идеального общества следовало придерживаться идеи строительства как минимум регионального уровня системы монастырей на основе соблюдения буддистских правил монастырского общежития. Такая модель обустройства общества в одном из текстов оценивается следующими словами: «Если бы моего отца не принудили уйти из монастыря, я никогда не был бы рожден. Если бы Монголия не была нацией монахов, давших обет безбрачия, следуя религии,

навязанной нам маньчжурами, чтобы держать нас слабыми, мы были бы сегодня сильной нацией в сорок миллионов человек» [Буддизм и национализм во Внутренней Азии 2021: 124].

Данная проблема изначально проистекала из Тибета, ибо «тибетская монастырская система стремилась рекрутировать большое количество мужчин в монахи. В Тибете, например, монахи составляли до 20 % от всего мужского населения» [Там же: 197]. Данное явление в условиях борьбы за жизненное пространство оценивается современниками в негативном плане.

Следует заметить, что буддизм скорее сыграл отрицательную роль в процессе становления бурят-монгольской государственности. Слепое обращение к готовым идеям (а они, как свидетельствует история, всегда религиозного толка и содержания и, как правило, привнесенные в культуру отдельного этноса извне, т. е. без учета их исторической специфики) часто оборачивается трагическими последствиями. Хотя в призыве к жизни по канонам религии ничего предосудительного быть не может. Однако общая устремленность народов к обретению своего национального государства порождает необходимость более ответственного выбора идеологии. В этом смысле, исходя из исторического опыта, следовало реанимировать «Великий закон» – свод законов Чингисхана, регламентировавшего жизнь и деятельность монгольского государства и общества в XIII – XIV вв.

«Великий закон» (Яса, Ясак, Джасак, Их засаг) был написан на монгольском языке. К сожалению, как отмечают исследователи, подлинник не сохранился, но дошел до нас в виде отрывков в трудах Рашид-аддина, Джувейни, Ибн Батуты и др. И для полноты восприятия Ясы позволим себе процитировать ее содержание в полном объеме: «Регулировала следующие правовые вопросы: 1. Государственного права: государственные вопросы (20 пунктов); административные вопросы (6 пунктов); военные вопросы (43 пункта); вопросы внешних сношений (8 пунктов); религиозные вопросы (5 пунктов); налоговые вопросы (4 пункта); судебные вопросы (2 пункта). 2. Гражданского права: хозяйственные и бытовые вопросы (8 пунктов); вопросы взаимоотношений граждан (5 пунктов); вопросы дидактики (6 пунктов); вопросы пенсии и пособий (1 пункт); вопросы собственности и наследства (4 пункта); вопросы семьи (5 пунктов); вопросы торговли (1 пункт)» [Гатапов 2015: 685]. Таким образом, мы ви-

дим, что данный свод законов охватывал практически все стороны общественной и государственной жизни и мог стать основой для полноценного функционирования национального государства. И что немаловажно, «главной идеей Ясы было требование единых и обязательных для всех порядка и дисциплины, искоренение произвола и хаоса во всех сферах жизни общества» [Там же: 685].

Важность идеологии, основанной на признании первичности закона в регламентации общественных отношений, заключается в обеспечении стабильности и устойчивости государственных основ. Не случайно институт монастырской системы на законодательном уровне выводится за рамки самого государства. Так, закон (Яса) запрещал «… административным начальникам отдавать предпочтение одной или нескольким конфессиям, освобождал религиозные храмы от всех налогов и повинностей, равно и их служителей» [Там же: 685]. Тем самым, религия как таковая становится предметом веры или неверия самого человека. Иначе говоря, для верующего человека – религиозное мировоззрение становится частью его индивидуальной духовной жизни и не более того.

Литература

Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа / М. Н. Богданов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2014. – 302 с.

Буддизм и национализм во Внутренней Азии / И. Р. Гарри, Р. Т. Сабиров, Н. В. Цыремпилов и др. – Улан-Удэ: Буряад-Монгол Ном, 2021. – 324 с.

Гармаев В. Б. Десятый рабджун. Исторический роман-трилогия / В. Б. Гармаев. – Улан-Удэ: Изд-во АО «Республиканская типография», 2021. – 944 с.

Гатапов А. С. Монгольская историческая энциклопедия / авт.-сост.: Гатапов А. С. – Улан-Удэ, 2015. – 688 с.

Дугаржапов Т. А. Секретная история бурят / Т. А. Дугаржапов. – Улан-Удэ; Иркутск: НоваПринт, 2014. – 144 с.

Reference

Bogdanov M. N. Ocherki istorii buryat-mongol'skogo naroda / M. N. Bogdanov. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2014. – 302 s.

Buddizm i nacionalizm vo Vnutrennej Azii / I. R. Garri, R. T. Sabirov, N. V. Cyrempilov i dr. – Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom, 2021. – 324 s.

Garmaev V. B. Desyatyj rabdzhun. Istoricheskij roman-trilogiya / V. B. Garmaev. – Ulan-Ude: Izd-vo AO «Respublikanskaya tipografiya», 2021. – 944 s.

Gatapov A. S. Mongol'skaya istoricheskaya enciklopediya / avt.-sost.: Gatapov A. S. – Ulan-Ude, 2015. – 688 s.

Dugarzhapov T. A. Sekretnaya istoriya buryat / T. A. Dugarzhapov. – Ulan-Ude; Irkutsk: NovaPrint, 2014. – 144 s.